

СЛОВО О БОЛЬШОМ МАСТЕРЕ

Вадим Ольшевский

Однажды в московскую мастерскую скульптора Александра Кибальникова пришли зарубежные гости. А мастерская у него, как у каменотеса, мастерового — глыбы гранита, цемент и глина, голая лампочка под потолком и табуреты, заляпанные раствором.

— Но где же ваше ателье? — спросили гости.

— Ателье у меня там, где стоят мои памятники, — ответил Кибальников. — А первое ателье — Саратов.

Саратов стал почти родным городом для Кибальникова. Сюда пришел он парнишкой из донской станицы, здесь закончил художественное училище, работал декоратором в театре. Увлёкся валянием. Старожилы должны помнить изваяние бойца, стоявшее в пору войны на главной площади — то был один из первых опытов молодого Кибальникова. С тех же давних лет вошел в его жизнь Чернышевский.

Нет, не тот Чернышевский, что возвратился в родной город больной и усталый после вилуйской ссылки. Воображение рисовало Николая Гавриловича молодым и дерзким. По свидетельству современников, был Чернышевский красив — высокий, стройный, и благородство душевное отражалось в его внешнем облике. Виделся скульптору тот Чернышевский, что по окончании

Администрация
города Саратова

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

30.12.1997

1. Установить мемориальную доску на доме № 19 по ул. М. Горького с текстом:

«В этом доме с 1951 по 1958 год жил и работал почетный гражданин г. Саратова, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, народный художник СССР, член Академии художеств СССР, Александр Павлович Кибальников»

Петербургского университета преподавал в Саратове словесность в городской гимназии, окруженный восхищением своих учеников, которым нес «души прекрасные порывы». Он верит в себя, но уже чувствует надвигающуюся грозу, знает, что она обязательно разразится, и идет ей навстречу. И тверд он и нежен душой.

Как-то Николай Гаврилович искренно говорил женщине, которую любил, что не смеет предложить ей свою любовь, потому что судьба его может оказаться жестокой. Вот эту твердость и нежность в характере молодого Чернышевского хорошо почувствовал Кибальников — и романтическую окрыленность, и тот внутренний свет, которым жил Чернышевский.

Многолетние поиски, опыты, размышления Кибальникова отлились в законченный образ. В Саратове встал памятник Чернышевскому. Свободной, летящей красотой наделена бронзовая фигура на постаменте: волосы на ветру и сложенные на груди руки, и взволнованная, темпераментная лепка. Видим Чернышевского таким — словно он из числа героев его знаменитой книги, о которых он сам говорил: «Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало — это двигатели двигателей, это соль соли земли».

С самого же начала явилось у Кибальникова свойство драгоценное для скульптора-монументалиста — умение наполнить памятник психологическим содержанием. Ведь и его Маяковский в Москве, и в бетонной глыбе лик воина-исполина в Брестском мемориале, запечатлевший в себе тяжкую думу о пройденных военных годах, — все это образы глубокого человеческого наполнения. Свой памятник Третьякову перед входом в Третьяковскую галерею Кибальников делал двадцать лет, добываясь, чтобы стал его Третьяков таким, каким был при жизни, — приглашал людей к добру и разуму. Таков и другой его памятник в Саратове — Радищеву, установленный у художественного музея имени Радищева. Сколько в нем того, чем горел этот гордый и светлый человек!

Судьбе было угодно, чтобы соединились в Саратове имена двух великих свободолюбцев. Их соединил своим искусством Кибальников.

Автору этих строк довелось близко знать Кибальникова. Была в нем всегдашняя сосредоточенность, неторопливость в

поступках. Молчалив был. Будто нес в себе что-то такое, что не хотел выказывать на людях. Должно быть, самую большую речь он произнес при обсуждении его проекта памятника Маяковскому в Москве. Ученая дама из дома-музея поэта сказала:

— Да, но Александр Павлович не приходил к нам за консультацией!

Кибальников ответил:

— А Маяковский разве приходил к кому за консультацией — как писать стихи?

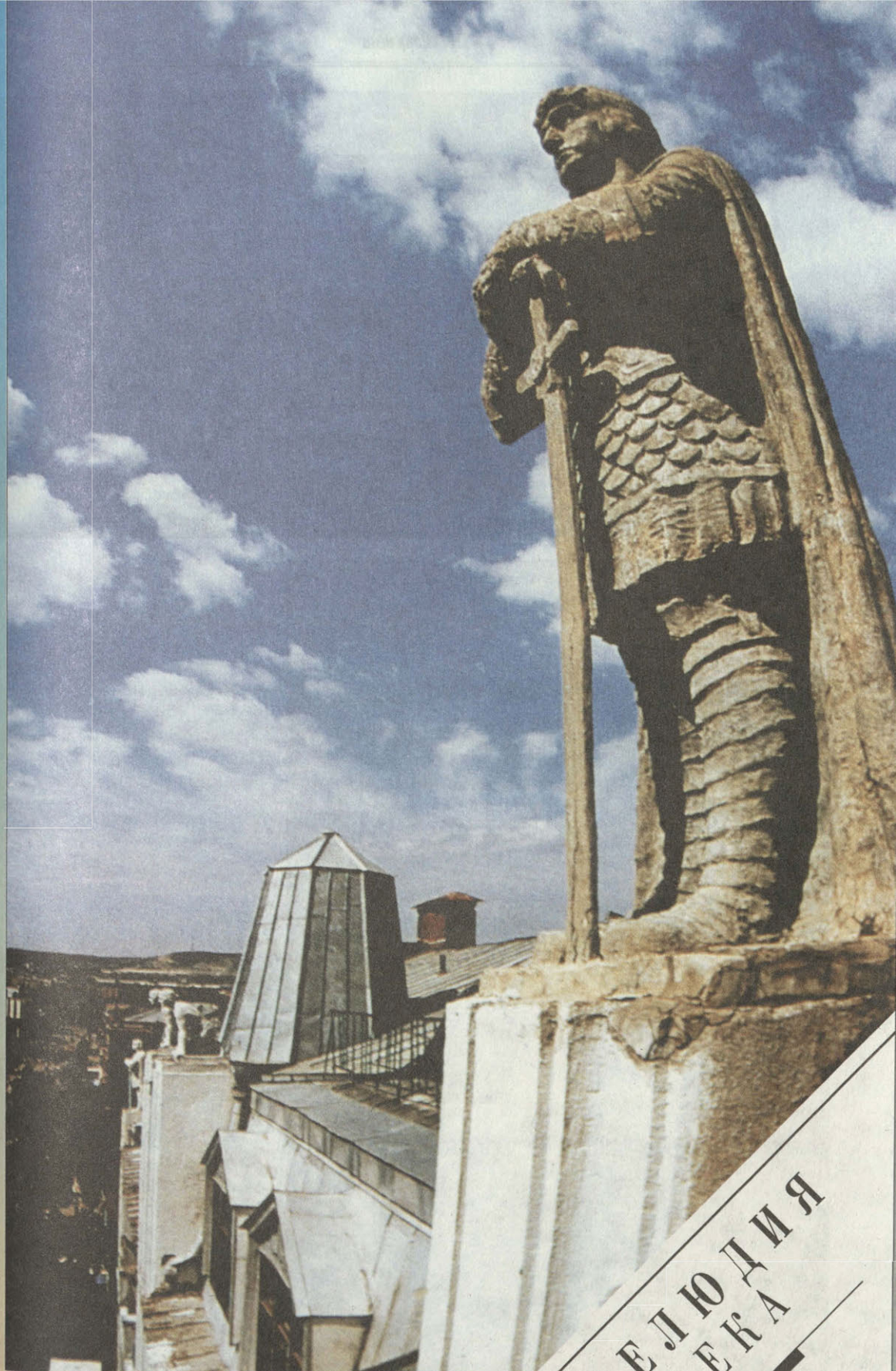
Кремень был человек. Когда памятник Чернышевскому был еще в глине, скульптуру сфотографировали, повезли показывать Сталину — тому до всего было дело. «Вождь» волосы велел обрезать — почему-то не понравились. Взяли ножов-

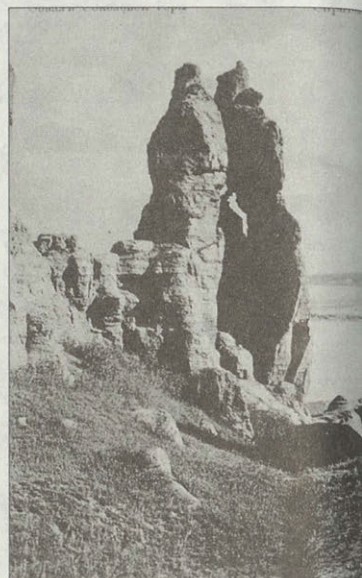
ку, обрезали. Но когда статую готовили к отливке, отрезанную часть на шпунтах поставили на место. Пусть знают саратовцы, когда смотрят на своего бронзового Чернышевского, кого «переспорил» Кибальников!..

Не так уж много творений оставил он в своих «ателье». Он знал: монументы в спешке не делаются и делаются не на один день. Любил материал — бронзу, мрамор, гранит. Умел видеть место, где будет стоять монумент. В Рязани, где создал своего Есенина, будто вырастает фигура из земли — есенинской, рязанской земли, и над фигурой поэта — есенинские березы. В Саратове монументы Кибальникова в исторической, обжитой части города, где они как бы дышат временем, самим воздухом старого города. Он любил Россию и жил ею в своем искусстве.

В торжественный день в Саратове, когда легла ему на грудь широкая красная лента почетного гражданина города, — хорош был Кибальников со своей могучей седой бородой, возлегшей на красную ленту. Он сам был как произведение искусства — богатырь, волжанин, саратовец.

ПРЕЛЮДИЯ
ВЕКА

Саратовъ. Общій видъ.

Ночью на Волгѣ.

